

Учитель Чжань Чжао, похоже, оставил глубокий след в его душе. Бай Юйтан осушил чашу «Дочери Красной», перебирая в памяти имена всех мастеров Поднебесной, в чьих прозвищах упоминалась бы «груша».

Впрочем, затея была пустой. Наставник Чжань Чжао уже много лет как отошёл от дел, уединившись в горах и почти не поддерживая связей с внешним миром, а теперь и вовсе покинул этот бранный мир.

«Ладно уж, к чему соперничать с покойником, — подумал Пятый господин. — Тем более у того была законная супруга...»

Бай Юйтан поймал себя на мысли, что ревнует сверх всякой меры. В конце концов, это были лишь отношения учителя и ученика. Да и наставник Чжань Чжао, судя по всему, был человеком однолюбом: ради своего избранника он долгие годы провёл в затворничестве. И пусть этим избранником был мужчина...

Стоп. Бай Юйтан замер, так и не раскрыв веера. Если и наставник, и шинянь Котёнка — мужчины, значит, для Чжань Чжао подобные отношения естественны? Он вырос, видя такую любовь перед глазами, а значит, не считает её чем-то невозможным или предосудительным. Если так, то всё становится гораздо проще.

— Эй, Котёнок, когда ты сводишь меня на могилу к своим учителям? — небрежно поинтересовался Пятый господин, потирая подбородок.

— Брат Бай так заинтересован? — Чжань Чжао почувствовал, как голова наливается свинцом. Виски заломило — он явно переоценил свои силы. Не стоило пить ничего, кроме привычной «Белой груши».

— Уж очень любопытно глянуть на них. — Бай Юйтан решил, что обязан выразить почтение этому многогранному и, по словам Чжань Чжао, до безумия преданному мастеру. Ведь именно он, сам того не зная, подготовил прекрасную почву для охоты Пятого господина на «Императорского кота».

— Чжань заезжал туда перед прибытием на остров Сянькун. Сучжоу совсем рядом с Сунцзяном, но горы там высокие... — Его голос затихал. Он не стал упоминать, что к обители вела короткая тропа, надёжно скрытая ловушками и магическими построениями. Без знания их секретов пробраться внутрь было почти невозможно, а долгий путь в обход был настолько изнурительным, что, выбери он его в юности, вряд ли когда-нибудь решился бы спуститься с гор.

«Уже побывал там, значит?!»

Бай Юйтан недовольно выпятил губу, но промолчал. Сейчас их пути только пересеклись, и в сердце Чжань Чжао он ещё не занимал никакого места. Всё нужно делать постепенно, шаг за

шагом.

— Если брат Бай действительно хочет, когда-нибудь мы туда отправимся. Чжань просто заглянул почтить память учителя, и ещё...

— И ещё что?

Чжань Чжао задумчиво посмотрел на луну.

— В тот день Чжань сломал саблю брата Бая. У учителя была сокровищница с оружием, я заглянул туда, но, увы, достойного клинка не нашёл. Шифу не жаловал сабли, зато вееров там было в избытке — шинянь их обожал. Однако я всё же прихватил один меч. Он не так знаменит, как Цзюйцюэ, но вещь стоящая. Вот только... Чжань оставил его в пещере Тунтянь.

— В пещере, пронзающей небо?

— Да... Мои вещи так и остались там лежать.

«Ну что за простодушный ребёнок».

Минь Сюсю, собиравшаяся обсудить с Юйтаном диету для укрепления здоровья Чжань Чжао, невольно подслушала этот разговор. Она даже замерла от удивления: кто же воспитал это чудо?

— Пустяки. Пятый господин велит слугам принести твои пожитки. Ты...

Бай Юйтан хотел добавить что-то ещё, но в этот момент его плечо вдруг стало тяжёлым. Обычно врождённая бдительность заставила бы мастера боевых искусств вскочить, но в нос ударил тонкий, едва уловимый аромат белой груши. Этот запах мгновенно умиротворил его. Пятый господин сам не понимал, почему этот аромат стал ему так дорог два года назад. Он искал его повсюду, но в обычном грушевом чае всегда чего-то не хватало.

Чего же именно?

Юйтан осторожно повернул голову. Дыхание юноши у самого его уха было ровным и глубоким; от этого звука сердце забилося чаще, а к лицу прилила кровь. Бай Юйтан протянул руку и аккуратно поправил выбившиеся тёмные пряди на щеке Чжаня. Красивое, одухотворённое лицо безмятежно покоилось на его плече. Видимо, хмель окончательно взял своё — щёки юноши пылали румянцем.

«Прямо как персиковые пирожные из "Пристанища Тай-бая" в Кайфэне», — невольно подумал Юйтан. Белоснежная кожа с нежным розовым отливом казалась сладкой на вкус.

То ли ночь была слишком глубокой, то ли лунный свет слишком обманчивым, но Бай Юйтан почувствовал, что поддаётся какому-то неведомому искушению. Слегка поборовшись с собой, он обнял захмелевшего юношу, притягивая его ближе. От Чжань Чжао исходил аромат вина и груш.

Искушение — штука опасная. Она вызывает зависимость. Бай Юйтан признал поражение: он попался на крючок. Это было похоже на страсть его учителя к развевающемуся на ветру вееру в руках возлюбленного — невозможно отказать, невозможно отвернуться.

Чжань Чжао стал для него более сильным наркотиком, чем лучшая «Дочь Красная». Вино можно найти всегда, погреба винодельни Цзяннин никогда не опустеют. Но он — другой случай. Упустишь сейчас — и, возможно, в следующий раз он тебя даже не узнает.

На самом деле Чжань Чжао был куда более вольным и отрешённым человеком, чем казалось. За два года Южный Герой спас сотни людей, но вряд ли помнил хоть одно лицо. В его сердце было слишком мало места для привязанностей. И это не была мелочность Бая, который готов ревновать даже к покойным учителям. Нет, просто внутреннее пространство Котёнка было крайне ограничено.

«Зачем помнить тех, кто не важен?» — наверняка думал Чжань Чжао.

Поэтому, чтобы остаться в его памяти, нужно было стать для него кем-то по-настоящему значимым. Бай Юйтан понимал: это не случится за день или два. Котёнок привык забывать людей спустя пару суток, и переучить его будет чертовски трудно. Придётся действовать осторожно.

Слегка коснувшись подбородком щеки Чжаня, Бай Юйтан ощутил странную смесь удовлетворения и тоскливого голода. Он вздохнул и, не позволяя себе лишнего, на руках перенёс юношу на кровать.

Есть вещи, которые можно делать, а есть те, что под запретом. Бай Юйтан знал меру. Некоторые чувства — как яд, от которого зуд проникает в самый костный мозг. Чжань Чжао и был таким ядом. Прежде чем сделать шаг, нужно понять: сможешь ли ты вынести муки этой зависимости? Ведь если сорваться раньше времени, он просто исчезнет.

Он был гордым и свободным, этот юноша.

Чжань Чжао был пьян телом, но не сердцем. А Бай Юйтан был пьян сердцем, оставаясь в ясном уме.

Несмотря на молодость, Пятый господин видел жизнь насквозь. Он вырос в «Тереме Тумана и Дождя», где судьбы людей проносились перед глазами, как пьесы или шахматные партии. Сердце может хмелеть, но разум обязан оставаться холодным. Иначе человек уйдет, ты протрезвеешь, а сердце — нет. С ним такого не случится.

Лучше быть трезвым. Хмель — плохая отговорка для бегства.

Вино и чаша связаны странными узами. Без вина чаша — лишь безделушка. Прохожий посмотрит и скажет: «Надо же, какая красивая вещица». Но истинный смысл её существования не в красоте. Она рождена, чтобы принять в себя вино. Своё единственное вино.

Бай Юйтан чувствовал себя этой чашей. И его вино только-только начало наполнять его естество.

Он легонько ткнул пальцем в мягкую щеку Чжання. Котёнок смешно наморщил нос, глубже зарываясь в одеяло и что-то бормоча во сне. Бай Юйтан улыбнулся. Всё в порядке. Чаша нашла своё вино. Нужно только набраться терпения. Любовь не терпит принуждения, это долгая партия, которую нужно разыгрывать по всем правилам.

Укрыв Чжань Чжао потеплее, Бай Юйтан позвал Бай Фу и велел ему немедленно отправиться в пещеру Тунтянь за вещами гостя.

Обернувшись, он наткнулся на взгляд своей невестки. Минь Сюсю стояла в дверях, и по её лукавому лицу было ясно: она видела достаточно.

— Старшая невестка...

— Ты сейчас думаешь, что стоило всё-таки включить ловушки? — Минь Сюсю знала своего младшего брата как облупленного. Его уловки никогда не могли обмануть её проницательный ум.

— Вовсе нет, — Бай Юйтан смущённо потёр нос. — Откуда ты вообще узнала?

Это было странно. О его чувствах знал только четвёртый брат, Цзян Пин, но тот вряд ли стал бы болтать — он считал всю эту затею сомнительной. Куда, кстати, подевались его названные братья?

— Ты забыл о письме, которое написал Четвёртому? — Минь Сюсю помахала вскрытым конвертом. — Пока вы тут миловались, они уже укатили в Кайфэн тебя искать. Я осталась за главную, так что письмо попало ко мне.

— И ты... не против?

— Против? С чего бы? Я от лица всей нашей семьи должна поклониться семье Чжань за то, что они тебя подобрали, — Минь Сюсю говорила властно, но вполголоса, чтобы не разбудить гостя. — Я пришла сказать, что Чжань Чжао нездоров. Не давай ему так много пить, а на пустой желудок — тем более...

Увидев, как лицо Юйтана мгновенно побледнело, она поняла, что попала в точку. Пятый господин и впрямь не на шутку увлёкся этим юношей. Махнув рукой, она велела ему приглядывать за Котёнком, а сама направилась к выходу.

— Присматривай за ним. Я сварю ему согревающий суп для желудка. И на будущее: я составлю ему особое меню. Кое-что ему есть категорически нельзя.

— Спасибо, невестка...

Минь Сюсю лишь усмехнулась — Бай Юйтан сейчас напоминал маленькую белую мышку, виляющую хвостиком.

Старшая невестка ушла, а вскоре вернулся Бай Фу. В руках он держал синий сверток — кажется, Чжань Чжао питал слабость к этому цвету. Синяя одежда, синяя ткань узла, даже на мече Цзюйцюэ красовалась синяя кисточка с таким же синим нефритом.

«Котёнок принёс мне оружие...» — об этой сцене Бай Юйтан мог только мечтать. Ведь ту саблю он сам подставил под удар Чжань Чжао, и тот не был виноват в её поломке.

Бай Юйтан развернул сверток. Белые ножны, белая рукоять... От меча исходил едва ощутимый холод.

В голове всплыло название — «Рисующий Тень». Легендарный клинок Хуаин, исчезнувший много лет назад. Говорили, великий мастер выковал его для своего возлюбленного, поднявшись на ледяные пики Тянь-Шаня, отчего сталь навсегда сохранила в себе мороз гор. После того как мастер отошёл от дел, след меча затерялся.

«Неужели это тот самый "Рисующий Тень"? Значит, тем мастером был учитель Чжань Чжао? И значит...»

Цзюйцюэ и Хуаин. Древний «Великий Бездонный» и «Рисующий Тень». Мечи, которые испокон веков считались парой. Похоже, судьба распорядилась так, что они просто на время поменялись владельцами.

<http://bllate.org/book/17405/1657833>